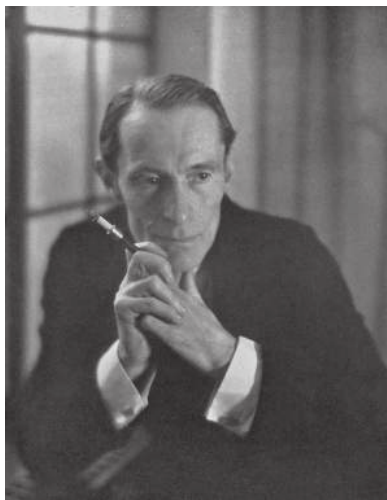

Георгий Владимирович Голохвастов (1882–1963) – поэт русского зарубежья. Он родился в Российской Империи и волею обстоятельств после революции 1917 года оказался в эмиграции в Нью-Йорке. Неожиданная потеря родины сродни обрушению судьбы. Подполковник Генерального Штаба Голохвастов, отбывая за границу по службе, не предполагал, что уезжает навсегда. Трагические события личной жизни чаще всего находят отражение в литературе. В начале 1930-х годов поэт приступает к написанию эпической поэмы «Гибель Атлантиды». Это самое крупное его произведение, восемь тысяч строк. Апокалиптическая тема полна аналогий с Русской Атлантидой, тонущей в крови большевистской революции. Глубокий символ скрывает архетипы подсознания. Любая историческая деформация приводит к высвобождению мощной внутренней энергии личности, высекающей правдивые образы. Работа над текстом «Атлантиды» заняла около пяти лет.

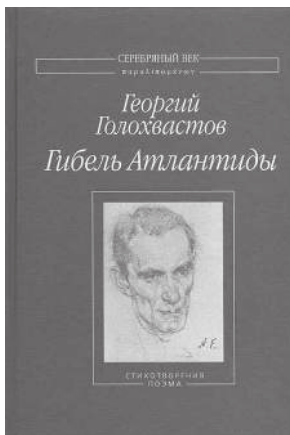
На первый взгляд поэма кажется трудной для восприятия, при её написании автор использует разные размеры (двухсложные, трёхсложные и др. стопы вперемежку), которые изредка встреча-

ются также в лирике Лермонтова и Фета. К ним добавляются гимны, песни, заклинания, и получается сложный полифонический рисунок. Это вовсе не случайно. Эмигрантские критики отмечали, что творчество Голохвастова восходит к поэтике Лермонтова, к его трагическому «Демону». Кстати, в юношеском возрасте начинающий поэт в подражание своему кумиру написал стихотворение с таким же названием. Однако вся сложность произведения об Атлантиде искупается непревзойдённым замыслом.

Современники сравнивали этот труд с лучшими образцами эпического жанра в европейской литературе, такими как «Божественная комедия» Данте, «Потерянный рай» Мильтона, «Освобождённый Иерусалим» Тассо и «Фауст» Гёте. Георгий Голохвастов возрождает поэму как литературную форму, оказавшуюся через сто лет после смерти Пушкина в полном забвении. Сподвижник и друг поэта, Владимир Ильяшенко, в очерке «Гибель Атлантиды» (1939), изданном отдельной брошюрой Обществом им. А.С. Пушкина в Нью-Йорке (под псевдонимом «Орелин»), писал о поэме, что «в наше безвременье её появление граничит с чудом». Возрождение платоновского мифа об Атлантиде в крупной художественной форме, чего до Голохвастова никто не сделал, действительно похоже на литературное чудо.

От момента окончания поэмы «Гибель Атлантиды» в 1936-м до её выхода в свет прошло несколько лет. Для подготовки книги в печать и издания была образована инициативная группа единомышленников на базе литературного кружка. Её возглавил известный деятель эмиграции, юрист и литературный критик Б.Л. Бразоль. Создана также административная секция, в которую вошли: бывший глава Российского генерального консульства в Нью-Йорке П.А. Рущкий, инженер-электрик Н.И. Дамаскин, капитан Русской Императорской армии Б.А. Завалишин. Все эти энтузиасты, включая автора поэмы и его коллег по литературному цеху В.С. Ильяшенко и Д.А. Магула, решили положить начало

Обществу ревнителей изящной русской словесности. Среди прочих задач Общество поставило своей целью издать «Гибель Атлантиды» на основе коллективного меценатства.

Сокровищница отечественной культуры пополнилась новым шедевром. В 1938 году «Гибель Атлантиды» вышла из печати. Кроме прочих достоинств, среди которых первым стало высокое качество издания, книга имела иллюстрации Андрея Авинова, известного художника и учёного-энтомолога. Он состоял директором музея естественной истории Карнеги в Питтсбурге и слыл знатоком старинной живописи и русской иконы. В путешествиях по Индии, от Мадраса до Ладака и Кашмира, ему удалось создать акварельную серию гималайских пейзажей. Всею своей творческой жизнью Авинов был подготовлен к восприятию мифологического и мистического строя поэмы Голохвастова. Монохромные иллюстрации к отдельным главам дополняли текст, придавая ему визуализацию смыслов и символов. Световые эффекты и техника «прозрачности» сделали рисунки особо изысканными. В чарах Атлантиды художник запечатлел огонь бессмертия.

Вокруг поэмы Георгия Голохвастова образовался целый мир, полный тайн и особой внутренней жизни людей, причастных к изданию книги. Можно говорить, например, о влиянии на Авинова живописи Чюрлёниса. Символические сонаты в красках раздвинули горизонты беспредельности. Или о других влияниях, литературных, но это отдельная история. Важен смысл поэмы, именно тот, каким его предлагает автор. Помимо положительных откликов в печати – в газетах «Новое русское слово», «Россия» и др. – были нелестные, европейская элита отнеслась к новинке довольно сдержанно. Среди русских писателей в Париже, объединённых вокруг «религиозно-философских воскресений» Дмитрия Мережковского и Зинаиды Гиппиус, произведение Голохвастова подверглось остракизму. Объясняется такая реакция трудностями восприятия из-за обилия философских и религиозных доктрин в тексте. Даже подготовленному читателю следовало напрячь интеллектуальные и душевные силы, чтобы полностью усвоить мифотворчество автора.

Вскоре, через шесть месяцев после издания книги, Георгий Голохвастов делает шаг «примирения» по отношению к читателям и критикам. В Пушкинском обществе Америки в Нью-Йорке он прочитал обширный доклад под названием «“Гибель Атлантиды” как мистерия творчества». Предваряя речь, поэт откровенно сказал о том, что иногда слышал заявления, будто к чтению даже «приступать страшно». Именно поэтому он взялся развеять предубеждения тех, кому «Атлантида» показалась мудрёной. В этом докладе прочерчены основные сюжетные линии поэмы и разъяснён идейный замысел. Ценность выступления трудно переоценить. Обычно поэтическое слово нелегко поддаётся авторской интерпретации, но в данном случае мы имеем дело с уникальным явлением. Творец говорил о мистории своего творчества.

Сложная по смысловой сути, цветистая ткань поэмы разворачивается на фоне простого сюжета. Главный герой поэмы – Верховный жрец Атлантиды – скорбит о падении нравов жителей острова и задумывает спасти их от духовной гибели. Вопреки законам природы, он пытается искусственно создать андрогинное существо и тем самым возродить бессмертную расу атлантов. Голохвастов привносит в изложение идею единства женского и мужского начал (андрогина), упомянутую ещё в Библии и подробно разработанную в своё время тамплиерами и особенно теософами.

Итак, беда всех бед – двойственная природа человека. «В нём двух стихий непрерывна борьба. / Двойная сущность – двойная судьба» – по слову автора поэмы. Судьбу двоих жрец вознамерился соединить воедино. Его влечёт мысль, почерпнутая из древнего пророчества, будто спасение мира придёт через Деву и Вселенского избранника. Владыка народов откроет человечеству чаемый путь к бессмертию. В день великого атлантического Праздника прославления Жизни и Смерти жрец наблюдает метеорный поток Геминид, исходящий из созвездия Близнецов. Звёздный дождь посылает ему знамение. Две звезды скатились над царским дворцом. Согласно верованиям атлантов, души праведных свергаются из небесной обители блаженства и вновь рождаются на земле, чтобы служить людям. Предзнаменование обретает ещё больший смысл, поскольку в тот самый час у царя Атлантиды рождаются близнецы – брат и сестра, будущий управитель народов и царственная невеста. До самого их совершеннолетия жреца не покидает навязчивая мысль о спасении людского рода через создание андрогина. Близнецы для него являются наилучшим материалом,

чтобы воссоздать единство. Две плоти от единого семени образуют новое физическое вещество, заключающее в себе природу бессмертия: «Когда ни женским, ни мужским став, / Мужское с женским сольётся бесследно, / Тогда лишь жизнь воссияет победно / И смерть лишится насильственных прав».

Страшные планы Верховного жреца осложняет непредвиденное обстоятельство – взаимная любовь царевича и царевны. Настоящая катастрофа, ибо «вожделение врывается в целомудрие блаженства». В том-то и состоит беда человечества – вкушение добра и зла, разделение в противоположность единству. Это старая библейская история о Деве, Змие и яблоке с дерева познания. Смерть входит в мир через рождение, она – всего лишь следствие распада одного человеческого существа на два. Любовь иллюзорна и даёт деление на части. Вечное не может быть временным, и значит спасение лежит через девственность. Такова концепция обожествления человека. Дело здесь не в конкретном индивидууме, достигающем цели на бесконечной лестнице совершенствования, жрец намеревается провести магический ритуал, дабы очастливить всё человечество разом.

Царевна борется со своей всепоглощающей страстью, чтобы воспрепятствовать кровосмешению, и решает отдать себя служению в храме. Жрец хочет использовать сложившиеся обстоятельства. Он посвящает любимую ученицу солнечному богу Ра. Обряд происходит в день годовой мистерии венчания божества с человеческой девой. Непорочную царевну торжественно вводят в верхний храм Зиккурата, к священному ложу Ра, и она становится «божьей невестой». У жреца нет никаких препятствий. Перед рассветом, когда первые лучи солнца озаряют землю, совершается магическое действие, которое, по его разумению, должно вызвать к жизни чудесного андрогина. Казалось бы, предуказанное пророчество о Деве и Небесном правителе вот-вот совершится. Маг произносит могущественное заклинание «Аум», но ничего не происходит. Мистический опыт оканчивается неудачей. Призрак андрогина тает, а вместе с ним – и надежда на бессмертное бытие. В довершение всего Зиккурат и главный остров сотрясает вселенский катаклизм. Атлантида погибает в морской пучине и вулканическом огне от буйства стихий, вызванных безумством жреца. Его, так же как и других жителей, настигает смерть.

В поэме Голохвастова «Гибель Атлантиды» затронуты глубокие жизненные вопросы. В чём же состоит мистерия творчества? Неважно, в какой области жизни проявляет себя человек,

будь то земной труд, религиозное служение или поэзия, музыка и живопись. Механический подход, омертвление плоти и духа – вот где угроза любому дерзанию. В андрогине заключена тайна божественного единства. Это – не спайка двух полюсов, а высший синтез. В едином лике Божества сочетаются три ипостаси: Отца, Матери и Рождаемого ими. В сердце каждого человека от непроявленного Отца и проявленной космической энергии, то есть Матери, рождается высшее существо. Этого младенца ещё называют Христом, или Ра, или Агни. Он солнце солнц, вернее, «Тот, кто за солнцем». По сути, таков и есть андрогин.

На повестку дня неизбежно выходит размышление о культуре. В докладе с кафедры Пушкинского общества автор поэмы называет Атлантиду «колыбелью человечества» и «матерью всех культур». Миф Платона является только поводом к разговору о творческом, божественном начале. Предназначение поэзии или иного вида творчества – возродить «чистую красоту» в сердцах людей. Мысль имеет крылья и живёт мечтой о вечном дерзании. Неустанный поиск красоты – это путь к Богу, а значит – к бессмертию. Георгий Голохвастов наделяет своих героев символическими атрибутами. Философские категории, религиозные сентенции вплетены в замысел поэмы. Жрец олицетворяет в человеке тёмное прошлое. Царевич – управитель чувств, и царевна – бессмертная душа, жаждущая единого света.

По мысли Голохвастова, человек непрестанно меняет мир творческим устремлением. В этом и состоит мистерия творчества. Сама поэма об Атлантиде вызвала у современников новые импульсы, дала эмигрантскому сообществу свежее дыхание в искусстве. Уже через год после выхода книги Ариадна Микешина написала симфоническую сюиту «Колыбель заклинания» (1939) по мотивам произведения «Гибель Атлантиды» (для голоса и оркестра). Микешина прославилась в Америке как талантливый композитор. Она сама исполнила сольную партию в сюите 21 марта 1942 года в престижном музыкальном салоне, в доме фабриканта Карла Гамильтона (NYC, 247 Park Av.). Теперь это уже один из исторических, мистериальных адресов Георгия Голохвастова. Сам дом не сохранился. На его месте – небоскрёб, устремлённый в небо.

Поэма, казалось бы, удачно издана и получила заслуженное признание, но Голохвастов остаётся в плену у «двуликого существа». Его сердце трепещет в сетях андрогина. Поэт берётся за новое произведение, в котором хочет в краткой и в то же время более ясной, кристальной форме выразить мысль о двойственной при-

роде человека. В 1940 году из-под его пера выходит поэма «Лицо Нарцисса» (позже переименована в «Сказанье о Нарциссе»), состоящая из 80 сонетов. Здесь также главными героями являются брат и сестра – юноша по имени Нарцисс и его бессмертная душа. Их желанный союз определён как единство двух: «В Нарциссе – лик сестры без форм и без границ», «Он дева-юноша, с глазами как сапфир...».

За основу мифического иносказания автор берёт греческую трагедию. Сюжет, как обычно у Голохвастова, простой, даже, можно сказать, прозрачный, будто словесное кружево. На охоте Нарцисс выходит из леса к реке, чтобы напиться. Он смотрит на зеркальную гладь воды и неожиданно видит странное отражение. Это не его собственное лицо со струящимися золотыми кудрями и синими глазами, а лик прекрасной девушки. «И вот – его лицо пред ним в воде сквозной: / В румянце трепетном горящее пожаром, / Оно, не тронут обветренным загаром, / Светилось нежною девичьей белизной». Юноша влюбляется в призрачного двойника, точнее говоря, «двойницу». Сила мысли визуализирует образ любимой и делает её абсолютно живым существом. Она повсюду находится рядом с ним: ведёт задушевные беседы, бродит по окрестным рощам, помогает в охоте на вепря. Отношения достигают накала, и однажды в ночных сумерках их застигает гроза в скалистом гроте. Чувства вспыхивают, как молнии, в экстазе любви. Утром, когда природа обретает безмятежность, Нарцисс ищет повсюду свою возлюбленную, но на зов откликается только Эхо.

Мечта воплощена, земная любовь сияет, будто обретенное сокровище. Однако блеск сокровища меркнет, и герой поэмы осознаёт, что Сестра – это его душа. Поэт в «Сказанье о Нарциссе» возвращается к теме «вечных близнецов». Последние строки заключительного сонета выражают главную идею поэтического повествования: «А две любви – одна... Двойное наслажденье!.. / Сестра! во мне душа и плоть – твои... Я – ты!.. / О, сказочная явь! Как дивно пробужденье!». Пробуждение Нарцисса от сна яви происходит там же, у реки, где юноша впервые увидел своё отражение в облике прекрасной богини-сестры. Он обретает собственную душу, и расплатой за богопознание является смерть. Нарцисс тонет в реке, символизирующей жизнь, залог бессмертия. За переживаниями текучей воды проступает свет, и Голохвастов вкладывает в уста своего героя последние слова эпилога. Они звучат как озарение: «Я – Бог!». Ода двуликому единому свету. И поэт – пророк этого божественного света.

Поэмы Георгия Голохвастова «Гибель Атлантиды» и «Лицо Нарцисса» следует рассматривать как одно целое, как дополняющие друг друга произведения. На эту особенность литературной переключки обратила внимание в рецензии, опубликованной в газете «Новое русское слово», Мария Франкфуртер, известная всегда поэтическими вечерами в Нью-Йорке. Она ознакомилась с поэмой о Нарциссе, вероятно, при публикации её фрагментов в прессе или даже в рукописи (полный текст опубликован в 2010 году), будучи дружна со многими писателями и поэтами. В одном из писем, посланных к Рождеству, она обращается к Голохвастову с большим почтением: «Глубокоуважаемый Георгий Владимирович, Великий жрец Ра!». Это подтверждение того, что священнодействие продолжается, оно не имеет ни времени, ни границ. Мистерия творчества охватывает окружающую жизнь, проникает в глубины личности самого поэта и предназначена, как выразилась Франкфуртер, «живущим в Вас всем духам далёких видимых и невидимых стран, веков и миров...» (21.12.1950).

Следует упомянуть ещё одно рождественское письмо, но другого корреспондента, Бадьмы Уланова, сына того самого офицера Войска Донского Нарана Уланова, который в начале прошлого века отправился по поручению государя Николая II с буддийской миссией в Тибет. Обращаясь к Голохвастову, он поднимает важные моральные вопросы, касаясь того, что происходит в мире, где безнаказанно попирается мораль, справедливость и человечность. В письме дана оценка поэмы «Гибель Атлантиды» и тех нравственных законов, что движут людьми, хотя с момента выхода её в свет прошло почти двадцать лет:

«Мне даже кажется, что Ваша блестящая книга также является сугубым ответом на эти вопросы. Только Ваша книга, возможно, глубже этого. В наш исторический период материализм, коммунизм и являются выражением чего-то страшного, против которого и ответ может быть страшный. Может быть, вторая гибель Атлантиды... Ваша книга и есть такой ответ в прекрасной поэтически-мистической форме» (27.12.1956).

Бадьма Уланов пророчит гибель новых атлантов. Теперь это уже не просто люди и остров в океане, а весь мир, стоящий на грани катастрофы. Народы заглядывают в непроглядную бездну, откуда слышны голоса прошлого, и сильнее всех, быть может, голоса Русской Атлантиды.